

Василь Быков

Западня

ФТМ

Василий Быков

Западня

«ФТМ»

1964

Быков В. В.

Западня / В. В. Быков — «ФТМ», 1964

Книги, созданные белорусским прозаиком Василем Быковым, принесли ему мировую известность и признание миллионов читателей. Пройдя сквозь ад Великой Отечественной войны, прослужив в послевоенной армии, написав полсотни произведений, жестких, искренних и беспощадных, Василь Быков до самой своей смерти оставался «совестью» не только Белоруссии, но и каждого отдельного человека вне его национальной принадлежности.

© Быков В. В., 1964

© ФТМ, 1964

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Василь Владимирович Быков

Западня

1

Первая атака сорвалась. Охватив подковой высоту, рота пробовала ворваться в траншею на самой ее вершине, но не дошла даже до середины склона. Шквальный огонь немецких пулеметов заставил автоматчиков залечь на голом, скованном утренним морозом косогоре. Вскоре бойцы поняли, что здесь им не удержаться, и перебежками вернулись туда, откуда начали атаку.

Это был глубокий и голый овраг с редкими пятнами еще не растаявшего грязного снега и замерзшим ручьем посередине. Он укрывал от огня, от неослабевающего напора студеного мартовского ветра и давал возможность подготовиться к новой атаке. Немного отдышавшись, ротный – капитан Орловец – позвал к себе командиров взводов и, недовольный и рассерженный, ни на кого ни разу не взглянув, начал:

– Бабы! Заморыши! Какой только дурак вам автоматы дал?!

Натянув на голову воротник полушубка, он лежал на склоне оврага и, держа в зубах сигарку, высекал «катюшей» искру. Обломок напильника тупо лязгал о камень: капитан большим пожелтевшим ногтем прижимал к нему трут – пучок белых ниток, выдернутых из брезентового поясного ремня. Орловец злился, не попадая по нужному месту, и слабая зеленоватая искорка, едва сверкнув под кресалом, тут же гасла. Трут никак не загорался.

Капитану никто не отвечал – ни телефонист Капустин, курносый глазастый парень, который копошился рядом, у обшарпанного ящика УНФ, втянув от стужи голову в широкий расстегнутый ворот шинели, ни молчаливый, хмурый с виду младший лейтенант Зубков, сидевший несколько ниже ротного на поле своей еще не обношенной шинели с новенькими, но уже помятыми погонами. Молчал и лейтенант Климченко.

– Черта с два от нее прикуришь! А ну высекай сам! – рассердившись, сказал Орловец и швырнул связисту его незамысловатое кресало. Связист молча отложил в сторону трубку и, заслонившись от ветра, начал лязгать напильником о камень. Капитан вынул изо рта сигарку:

– Третий взвод отстал, первый растянулся, как кишка, порядка никакого! Вы командиры" или пастухи, черт бы вас побрал? – говорил он, нахмурив брови и рассерженно глядя на взводных. Зубков от этих слов еще больше сжался, а Климченко вдруг швырнул в овраг кусок мерзлой земли.

– А что вы кричите? Мы что, в овраге отсиживались? Или труслили? Или, заняв высоту, назад драпанули? Фашист вон подойти не дает... – махнул он рукой в сторону высоты. – Его и ругайте!

Капитан злобно взглянул на лейтенанта.

– Ты это что? – выдавил он угрожающе и в то же время будто недоумевая от дерзости подчиненного.

Связист тем временем зажег трут и, приподнявшись на коленях, протянул его капитану. Но Орловец в гневе будто не замечал этого, и ветер напрасно рвал в воздухе тоненькую струйку дыма.

– Ты что, митинговать вздумал? – повторил он.

Лейтенант поднял воротник своего иссеченного осколками полушубка, из дырок которого торчали серые клочья шерсти.

– А то! Хватит на чужом горбу в рай ехать! – запальчиво сказал Климченко и отвернулся. На круглом молодом лице его, с крутым подбородком и шрамом под нижней губой, отразились

обида и злость. Ротный сполз с обрыва на каких-нибудь три шага и, перепоясанный ремнями, стал напротив взводного.

– Это кто едет! Я еду? Да?

– Да и вы не прочь! – бросил Климченко.

Он не боялся капитана, хотя знал его крутой нрав, и держался уверенно, потому как сам воевал в этой роте всю зиму, знал каждого бойца так же, как и они знали и ценили его. А Орловец был тут человек новый, и хотя в трусости его никто не упрекнул бы, но все же бойцы недолюбливали капитана за его излишнюю крикливость.

Климченко искоса взглянул на ротного. Однако первая вспышка гнева в нем уже миновала, и взводный, стараясь сдержаться себя, начал каблуком сбивать с обрыва мерзляки; комья земли, подскакивая, наперегонки катились к замерзшему ручью. Ротный, стоя рядом и сдвинув брови на худом, почерневшем от стужи и щетины лице, сквозь зубы угрожающе бросил:

– Попридержал бы язык, болтун!

Климченко вскинул голову:

– Ага! Правда глаза колет!

– Ах, правда?! – вскипел Орловец. – Так и я тебе скажу правду! Твой взвод – самый худший! Самый разболтанный. Он задержал роту. Он сорвал темп наступления!

Климченко вскочил на ноги, локтем толкнул назад туго набитую кирзовую сумку.

– Мой взвод сорвал? Немцы сорвали! Вот! Шесть ихних пулеметов сорвали. Вы что, не видели? – уже не в силах сдержаться, закричал лейтенант.

Связист, пораженный этой стычкой, раскрыв рот, неподвижно сидел у аппарата. Зубков согнулся еще ниже и начал старательно счищать землю со своего кирзового сапога. На краю оврага из окопчиков высывались и застывали в немом любопытстве головы в шапках и касках.

– Что это такое?! – топал Орловец своими порыжевшими от подпалин валенками. – Что за болтовня, лейтенант? Вы что, на гулянке или в армии?

Он не договорил: наверху, видно, кто-то неосторожно высунулся из укрытия, и длинная пулеметная очередь с высоты бешено резанула воздух над их головами. На противоположном склоне оврага посыпалась земля и, когда ветер сдул пыль, в мерзлой почве появились свежие ямки от пуль.

Орловец, набычившись, снова повернулся к Климченко:

– Ты у меня дождешься! Я тебя заставлю с одним взводом высоту брать. Тогда запищишь. Умник!..

Лейтенант криво улыбнулся:

– Вот напугали! Ну и пойду со взводом. Только когда возьму – вам докладывать в полк не придется. Сам доложу.

– Ах так?

– Так.

Капитан на полминуты застыл, что-то напряженно решая, а Климченко, стоя вполоборота к нему, ждал. Он и в самом деле готов был атаковать высоту хотя бы и одним взводом. Правда, надеждой на успех себя не тешил, но теперь больше всего не хотел в чем-либо уступить капитану.

Орловец тем временем зло сплюнул и, тяжело ступая валенками, взобрался на склон к телефонисту.

– Ну, где огонь? – вспомнил он о неприкуренной сигарке, которую все еще держал в руке. Связист снова начал звякать кресалом.

– Вот что! – бросил ротный, обращаясь к Климченко. – Я такого не допущу. Болтунам каленым железом языки поприжгу. Ишь, разгильдяй, распустил вас!

Это был намек на бывшего командира роты старшего лейтенанта Иржевского, раненного неделю назад. В полку о нем говорили разное, но Климченко знал, что командир тот был стоящий и был бы еще лучше, если бы умел ладить с начальством.

– Будь некоторые ротные такие, как Иржевский, уже на высоте пообедали бы, – сказал лейтенант.

– Что? Защищаешь?.. Понятно: коллективку устроили.

Климченко промолчал.

– Ладно, – уже мягче сказал Орловец. – На этом точка. И чтоб мне ни-ни... Я здесь командир, а не пастух. Поняли? А теперь давай сюда!

Зубков, не понимая причин перемены в настроении командира роты, медленно встал, отряхивая с шинели песок, а Климченко, насупившись, стоял внизу. Тогда капитан, сменив тон, нарочито грубо крикнул:

– А ну, чего надулись, как суслики? Давай ближе, говорю!

Зубков, пригнувшись, послушно подошел к капитану, Климченко, немного помедлив, также полез вверх.

На голом овражном склоне дул свирепый морозный ветер. Разгоряченные недавней атакой люди начали остывать. Лейтенант потуже затянул ремень и неохотно придвинулся к командиру роты. Лицо его по-прежнему было отчужденным и мрачным.

Капитан тем временем прикурил, глотнул дыма, окинул взводного испытующим, но уже незлобивым взглядом и вытащил из-за пазухи карту:

– Так. Все. Точка! Слушай задачу. Ударим снова...

2

Спустя пятнадцать минут атаковали.

Без единого выстрела, все разом высыпали из оврага и бросились на высоту.

Немцы вначале молчали: может, не заметили их, а может, выжидали, и с минуту в ветреном мартовском просторе был слышен только беспорядочный топот полусотни пар ног. Люди продрогли за утро на глинистой промерзшей земле и потому сразу же дружно рванулись вперед. Однако путь их лежал в гору, бежать было далековато, и первого запаха хватило ненадолго. Правый фланг взвода вскоре загнулся, начал отставать. Это не предвещало ничего хорошего, но Климченко не решался нарушить тишину – не стал кричать на младшего сержанта Голаногу, который командовал правофланговым отделением. Сжав в руке пистолет с ремешком, одним концом прицепленным к поясу, лейтенант бежал вместе со всеми как можно быстрее, туда, в гору, где, подготовив пулеметы, ждали их немцы. Слева и дальше к лесу, несколько медленнее, отставая, трусил Орловец с ординарцем. Время от времени он оборачивался в сторону первого взвода и на ходу потрясал кулаком – быстрее! Климченко, однако, не очень обращал внимание на эти многозначительные жесты: теперь в цепи он в какой-то мере стал независим от ротного, только солдатские силы не очень подчинялись ему. Лейтенант бежал, чувствуя, как дотлевают в нем остатки прежней злости, прорвавшейся там, в овраге. Он начал уже сживаться с мыслью, что капитан «арап» и «горлопан», что он не пощадит и отца, чтобы выслужиться перед начальством. Но все же он вынужден был слушаться ротного и даже больше того: после недавней с ним стычки был полон решимости ворваться в траншею противника первым и тем доказать, на что способен его взвод. Это был рывок, рассчитанный разве что на одну только внезапность, и от его стремительности зависел исход атаки – либо они полягут здесь, на голом промерзшем косогоре, либо возьмут высоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.